

А. В. Кузьмин

НА ПУТИ В МОСКВУ

Очерки генеалогии военно-служилой

знати Северо-Восточной Руси

в XIII — середине XV в.

ТОМ I

STUDIA HISTORICA

УДК 94(47)
ББК 63.3
К 89

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

*Ответственный редактор:
Доктор исторических наук Н. А. Соболева*

*Рецензенты:
Доктор исторических наук К. А. Аверьянов
Кандидат исторических наук Б. Н. Морозов*

Кузьмин А. В.

К 89 На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. I. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 336 с. — (Studia historica).

ISBN 978-5-9551-0541-3

Книга ведущего научного сотрудника НИО книги и чтения ФГБУ «Российская государственная библиотека» А. В. Кузьмина, автора ряда исследований по истории Восточной Европы X—XVII вв., посвящена исследованию такой недостаточно изученной в современной историографии проблеме как генеалогия военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — первой половине XV в. Привлекая широкий круг письменных и материальных источников XIV—XVIII вв., автор проводит анализ эволюции за это время родословной памяти титулованных и нетитулованных военно-служилых фамилий, происходивших как из числа столичной, так и региональной политической элиты Северо-Восточной Руси, сопредельных с ней княжеств и земель. Благодаря этому ему удается реконструировать генеалогии нескольких десятков военно-служилых родов, выяснить причины трансформации их родовой памяти в конце XV—XVII вв., которая по-своему объясняла время, обстоятельства и выезд знатных лиц на службу в Москву.

Выясняются причины и механизмы перехода представителей политической элиты и военной знати средневековой Руси на службу в Московское и Тверское великие княжества, изменение их социального статуса в XIII — первой половине XV в. Впервые устанавливаются, либо значительно уточняются происхождение, персональный состав, семейные связи между представителями военно-служилых родов и русского духовенства, традиции поминания ими своих предков.

Первый том книги посвящен исследованию происхождения князей и причинам утраты ими титула при переходе на службу в Москву в XIV — начале XV в., генеалогии военно-служилой знати Московского, Ростовского и Тверского княжеств в XIII — первой половине XV в.

Для специалистов-историков, источниковедов и генеалогов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей нашего отечества.

На обложке использована миниатюра «Святой Феодор Стратилат»

Источник: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси.
Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв.
М.: Искусство, 1980. № 10 (Рукопись ЯИАМЗ. № 15718. Л. 1 об.)

ББК 63.3

ISBN 978-5-9551-0541-3

© Кузьмин А. В., 2014

© Языки славянской культуры, 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава 1. Служилые фамилии, утратившие княжеский титул	59
§ 1. Рюриковичи, утратившие княжеский титул.....	—
§ 1.1. Всеволожи, Туриковы и Заболоцкие — потомки правителей Смоленска	64
§ 1.2.1. Волынские и Вороны — потомки волынских князей?	86
§ 1.2.2. Князя Кориатовичи	89
§ 1.2.3. Князь Дмитрий Алибуртович	106
§ 1.2.4. Князь Дмитрий Михайлович Боброк Волынский и род князей Острожских-Волынских в Великом княжестве Литовском	107
§ 1.2.5. Князь Д. М. Боброк Волынский в Москве	122
§ 1.2.6. Князь Д. М. Боброк Волынский и проблема поиска основателя Коломенского Бобренева монастыря	124
§ 1.2.7. Владения семьи князя Д. М. Боброка Волынского	130
§ 1.2.8. Волынские и Вороны в конце XIV — первой половине XV в.	131
§ 1.3. Липятины	137
§ 1.4. Порховские и Кузьмины	151
§ 1.5.1. Князь Иван Федорович Шонур Козельский и его дети	172
§ 1.5.2. Шонуровы	189
§ 1.5.3. Сатины	191
Глава 2. Боярство Ростовского княжества	198
§ 2. Боярство Ростовского княжества в конце XII–XIII в.	—
§ 2.1. Род ордынского царевича Петра	204
§ 2.2. Род Петра Васильевича	209
§ 2.3. Род Юрия Протопопина	212
§ 2.4. Род Кирилла и Сергия Радонежских	214
§ 2.5. Тормосовы	220
§ 2.6. Дюденевы	221
§ 2.7. Род тысяцкого Протасия (Вельямина)	223

§ 2.8.	Род тысяцкого Аверкия Дмитриевича	225
§ 2.9.	Зворыкины	228
§ 2.10.	Долгово-Сабуровы	229
§ 2.11.	Ярославовы	230
§ 2.12.	Род Кирилла Белозерского	233
§ 2.13.	Лихаревы	235
§ 2.14.	Лаптевы	238
§ 2.15.	Монастыревы	240
Глава 3. Боярство Тверского великого княжества		251
§ 3.	Тверское боярство	—
§ 3.1.	Бороздины	252
§ 3.2.	Род Олферия Жидиславича	263
§ 3.3.	Коробовы, Киндыревы, Измайловы, Спячие и Бабкины	264
§ 3.4.	Ивор Чапонос	272
§ 3.5.	Род Дмитрия Ейковича	276
§ 3.6.	Кербет	277
§ 3.7.	Явидовичи	279
§ 3.8.	Воробьевы	282
§ 3.9.	Ратшичи	284
§ 3.10.	Никифор Лыч	290
§ 3.11.	Левашовы	—
§ 3.12.	Нащокины, Ветреные, Нагие и Собакины	305
§ 3.13.	Семен Яма	312
§ 3.14.	Скудины	313
§ 3.15.	Бибиковы и Якимовы	314
§ 3.16.	Кореевы	318
§ 3.17.	Федор Гурлень	322
§ 3.18.	Ельчины	—
Список сокращений		330

ГЛАВА I

Служилые фамилии, утратившие княжеский титул

§ 1. РЮРИКОВИЧИ, УТРАТИВШИЕ КНЯЖЕСКИЙ ТИТУЛ. Одной из актуальных тем в современной историографии является изучение процесса формирования круга княжеских, боярских и дворянских родов, находившихся на службе у правителей Москвы, Твери, Суздаля и других великих княжений, поиск и установление степени прямого родства между различными группами политической элиты Северо-Восточной Руси. По происхождению среди этих групп военно-служилой знати четко выделяется группа семей из Западной и Южной Руси, предки которых Рюриковичи, утратившие свой титул в середине XIV — первой трети XV в. Почти все эти фамилии, по терминологии служилых людей Русского государства, были «выезжими». За исключением Галицких, по мужской линии они не были прямыми потомками великого князя Всеволода III Великое Гнездо. В число владетельных княжеских семей Северо-Восточной Руси титулованные предки таких фамилий не входили.

Родословные легенды, в основном, лишь в общих чертах касаются происхождения этой группы выезжих родов. Степень их достоверности не изучена, хотя в отечественной историографии эта исследовательская задача была сформулирована давно. Еще Н. П. Лихачев считал, что «вопрос об утрате княжеского титула в русской генеалогии является одним из наиболее важных и жгучих»¹. Кроме того, в историографии до сих пор не разъяснен вопрос, почему князья, выехавшие в XIV в. на службу в Москву, в конце XIV — первой половине XV в. постепенно утрачивали свой титул и даже выбыли из верхнего слоя самой привилегированной верхушки средневекового общества.

В начале XX в. основной круг таких семей определил известный генеалог Н. А. фон-Баумгартен. Отмечая, что родословие многих княжеских фамилий идет «непрерывною цепью до самого Рюрика», он все же заметил: *«Исключение в этом роде представляют только князья Юго-и Северо-западной России* (курсив мой. — А. К.). Между тем родословия князей Друцких и Четвертинских можно проследить в глубокую старину гораздо далее, чем таковые же многих отраслей Черниговских (скорее

¹ Лихачев Н. П. О происхождении Яновых // ИРГО. 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 151.

Северских) Рюриковичей»². Н. П. Лихачев, Л. В. Савелов и Г. А. Власьев тогда же констатировали неясность и путаность родословных документов многих фамилий, которые считали своими предками смоленских князей³. Г. А. Власьев стал первым из русских генеалогов, кто собрал и опубликовал наиболее важные биографические и родословные материалы за XIV—XVII вв. представителей таких фамилий, как Волынские и Воронье⁴. Очевидно, что в этом случае Г. А. Власьев опирался на традицию исследования отдельных семей, объединенных единством происхождения. Еще в конце XIX в. такой метод в изучении титулованной знати применил Н. Д. Квашнин-Самарин⁵. Однако, в отличие от своего предшественника, Г. А. Власьев испытывал сильное влияние более ранней методики. Поэтому его работа написана не в форме монографического исследования, как это сделал Н. Д. Квашнин-Самарин, а в виде очередного справочника, снабженного лишь краткими выдержками из источников.

Несколько ранее Г. А. Власьев издал капитальную работу, посвященную изучению персонального состава титулованных и нетитулованных потомков черниговских Ольговичей за XI—XIX вв.⁶ В нее вошло в том числе исследование, в котором были обобщены сведения источников о потерявших в XIV в. княжеский титул служилых фамилиях Шонуровых и Сатиных. В приложении к нему Г. А. Власьев переиздал древнейшую часть одной из редакций родословной росписи Сатиных⁷, выявленную ранее Н. П. Лихачевым. Бархатная книга 1688 г. была основным источником в генеалогических реконструкциях Г. А. Власьева по определению родопроисхождения титулованной знати. Сведения частных редакций родословных книг исследователь привлекал изредка всего лишь для учета разночтений в текстах источников и уточнению персонального состава семей. Возможно, поэтому, несмотря на известные к тому времени процедуры в сфере внутренней критики источника, ранее блестяще продемонстрированные Н. П. Лихачевым⁸, Г. А. Власьев не смог критически разобрать позднюю легенду дворян Бунаковых. С помощью фальсификации акта, якобы выданного 9 X 1461 г. великим князем Василием II Темным их предку — князю Ларе Бунаку Михайлову сыну, в 1686—1687 гг. Бунаковы сумели добиться включения росписи своей фамилии в родо-

² фон Баумгартен Н. [А.] К происхождению князей Вяземских // Сборник статей, посвященных Л. М. Савёлову. М., 1915. С. 64.

³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. М., 1909. С. 123; Власьев Г. А. Род Волынских. СПб., 1911. С. 2.

⁴ Власьев Г. А. Род Волынских.

⁵ Квашнин-Самарин Н. Д. Исследование об истории княжеств Фоминского и Ржевского. Тверь, 1887.

⁶ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906—1907. Ч. 1—3.

⁷ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 440—442.

⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 439—440.

словное древо потомков князей Хотетовских⁹. Впрочем, этот отдельный факт не умаляет заслуг Г. А. Власьева. В отличие от многих своих предшественников его книга имела несомненное достоинство — прекрасный для начала XX в. научно-справочный аппарат.

Изучая процесс формирования феодального землевладения в Белоозерском княжении в конце XIV—XVI вв., А. И. Копанев для объяснения вопроса о куплях Ивана I Калиты в качестве связующего звена использовал такой важный источник, как родословная роспись Монастыревых. Она входит в состав приписных глав более ранней *Рум. ред.* родословных книг 40-х гг. XVI в.¹⁰ Реконструируя генеалогические связи Монастыревых с правящими и военно-служилыми родами Северо-Восточной Руси XIV в., А. И. Копанев сумел привлечь для анализа их родословной не только сведения летописей и актов, но и данные синодиков.

По мнению исследователя, «родословная князей Монастыревых открывает возможность путем рассмотрения истории рода князей Монастыревых проникнуть в историю Белоозера. Наиболее важный факт, могущий быть установленным на основании родословной, состоит в том, что князья Монастыревы по женской линии происходят от внучки Ивана I Калиты. Другой важнейший факт, сообщаемый родословной, относится к истории земельных владений князей Монастыревых: «вотчинные земли Монастыревых ведут начало свое от земли, купленной для родоначальника Монастыревых, князя Александра Монастырева, у белоозерской княгини Федосьи. Итак, родословная князей Монастыревых вводит в историю землевладения Белоозера XIV в., а также бросает свет на политическую историю этого княжества». Однако объяснить причины, из-за которых такая родовитая и влиятельная в Белоозерской земле семья во второй половине XIV в. перестала пользоваться княжескими правами, А. И. Копанев не смог¹¹.

Большое внимание изучению достоверности информации в росписях семей, возводивших свои родословные к титулованным предкам, уделял С. Б. Веселовский. По его мнению, главной причиной того, что «многочисленные северские и смоленские князья» покидали свои родовые земли, было военное и политическое превосходство над ними правителей ВКЛ. Эти князья «лишались своих уделов, переходили с места на место или находили себе пристанище в Москве и Твери»¹². По наблюдениям С. Б. Веселовского, этот процесс начался во второй

⁹ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 301—303.

¹⁰ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 35.

¹¹ Подробнее об этом см. в кн.: Копанев А. И. История землевладения Белоозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 24—38.

¹² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 332.

половине XIV в. Именно тогда, как полагал исследователь, на службе в Москве у великих князей оказываются родоначальники известных позднее военно-служилых родов Порховских и Фоминских, Всеволожей и Заболоцких, Волынских и Вороных, Сатиных-Шонуровых, Полевых и Еропкиных и др.¹³ При этом, правда, С. Б. Веселовский не выяснял, насколько верны родословные легенды и ранние записи о старшинстве родства между разными ветвями одного рода. Для решения локальных генеалогических задач, как полагал С. Б. Веселовский, «нет надобности углубляться в эти вопросы», достаточно только «отделить, по возможности, достоверное от недостоверного, т. к. основной, интересный для нас факт не подлежит сомнению: миграция значительного количества смоленских княжат на восток в XIV—XV вв. и переход их на службу к московским князьям». Судьба представителей фамилий, утративших княжеский титул, складывалась по-разному: «Некоторые не уживаются и уезжают обратно, но многие остаются и занимают прочно места в среде московских служилых людей, частью даже в боярской»¹⁴.

А. А. Зимин также обратил внимание на то, что «в составе московской знати было несколько служилых фамилий, ведших свое происхождение от смоленских и фоминских князей». Исследователь заметил, что «все они уже давно при переходе на московскую службу (в XIV в.) лишились княжеского титула». Впрочем, это «не помешало некоторым из них занять видное место при великокняжеском дворе. Среди них в первую очередь надо назвать Всеволож Заболоцких, служивших московским князьям уже в конце XIV в.»¹⁵.

А. А. Зимин подробно рассмотрел биографии и генеалогические связи представителей нетитулованных родов, а также службу в конце XIV — первой трети XVI в. при дворе великих и удельных князей Москвы и Твери — Всеволожей, Заболоцких, Ржевских, Толбузиных, Полевых, Еропкиных, потомков Александра Нетши (правда, в последнем случае, он не указывал на их происхождение от смоленских князей)¹⁶. Учитывая результаты наблюдений Н. П. Лихачева и С. Б. Веселовского и обобщая собственные, А. А. Зимин пришел к следующим выводам:

«Феодальная война второй четверти XV в. привела к серьезным изменениям как в составе старомосковских боярских родов, так и в соотношении их различных ветвей при великокняжеском дворе. Сторонники галицких

¹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 285—286, 331—373, и др.

¹⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 359—360.

¹⁵ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 223.

¹⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 223—234, 254—257, 264—266.

князей — кн. Юрия Дмитриевича, Дмитрия Шемяки, кн. Ивана Андреевича Можайского, кн. Василия Ярославича Серпуховского-Боровского сходят с исторической сцены. Немилость великокняжеской власти распространяется и на их потомков. Речь идет о князьях Порховских (на одной княжне из этого рода был женат кн. Юрий Дмитриевич), о роде Дмитрия Ивановича Галицкого, кн. Ивана Шонура Козельского (Сатины), Серкизовых (Старковых). Антимосковская позиция И. Д. Всеволожского и братьев Петра, Ивана и Никиты Добрынских также сказалась на судьбе потомков Всеволожского (у Добрынских их как будто не было вовсе). Потомки князей Фоминских, шедшие от Бориса Федоровича Вепрева, ...или не известны совсем, или ушли на службу в уделы.

Потомки многих выезджих родов (Беклемишевы, Волынские, Лыковы, Монастыревы, Мячковы, Овцыны, Поливановы и др.) по различным причинам так и не смогли пробиться в Думу»¹⁷.

Итак, практически все исследователи в той или иной степени касались истории военно-служилых родов, предки которых во второй половине XIV — первой трети XV в. потеряли княжеский титул и пополнили многочисленный слой бояр. Тем не менее никто из них не рассматривал группу семей, представители которых утратили княжеский титул, отдельно, не пытаясь выяснить, почему родоначальники изучаемых ими фамилий после выезда на службу в Москву или Тверь были вынуждены согласиться на изменение своего социального статуса. Между тем имеющийся в настоящее время корпус источников по генеалогии и истории правящих на Руси родов (среди них, прежде всего, большое значение имеют росписи отдельных фамилий и родословных книг разных редакций XVI—XVII вв., рассмотренные в специальных работах М. Е. Бычковой¹⁸, а также синодики и акты) в сравнении с источниками по истории ВКЛ за аналогичный период позволяют в ряде случаев не только выяснить происхождение и уточнить историю данных фамилий, но и ответить на поставленные ранее вопросы.

Древнейшие росписи фамилий, утративших княжеский титул, чаще всего начинаются не от общего предка, а от того человека, который первым после приезда начал службу в Москве. Большинство таких лиц как по своему происхождению, так и по землевладению не были тесно связаны с Северо-Восточной Русью. Поэтому установить степень их родства с близкими и дальними родственниками подчас оказывается весьма затруднительно. Прежде всего, это связано с тем, что история правящей элиты и военно-служилой знати в конце XIII — начале XV в. весьма слабо отражена в сохранившихся источниках. Генеалогических источников (за исключением синодиков и житий) и вовсе не было.

¹⁷ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 252.

¹⁸ *Бычкова М. Е.* Родословные книги...; *Она же.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986.

Для некоторых потомков легендарного Рюрика определение прямой степени родства с лицами, происходившими от общего предка, в качестве коих обычно выступали князья Владимир Всеволодович Мономах или Олег Святославич Черниговский, уже оказалось не под силу в момент создания Государева родословца. Потомки князей, выехав без вотчин на службу в Москву, постепенно теряли не только право на титул, но и связь со своей династией. Бывшие в свое время на слуху у великих князей и летописцев, которые не раз охотно отмечали долгую и чаще всего безупречную службу новых бояр, наместников и воевод, в росписях XVI—XVII вв. они превращались в заурядных предков отдельных фамилий. Их происхождение и реальные заслуги в период установления над Русью гегемонии Калитовичей в этих росписях в лучшем случае были оттеснены на второй план красивой, но порой мало достоверной легендой о выезде «пращура» из «Литвы», «Немец», «Орды» и т. д.¹⁹ Такая тенденция скорее отражала представления служивых людей Русского государства XVI—XVII вв. о более ранней эпохе, нежели исторические реалии второй половины XIII — начала XV в. Выбывая постепенно из боярской среды, далеко не все представители из прежде княжеских семей сумели попасть в 1555 г. в Государев родословец (ср., например, судьбу Сатиных-Шонуровых, Порховских, Фоминских, Даниловых-Мамоновых и др.). При этом росписи некоторых нетитулованных потомков русских князей не удается найти даже в частных списках родословных книг XVI—XVII вв., а также в достаточно поздних списках, поданных в Разрядный приказ после отмены местничества, начиная с 1682 г. (например, Косицких и Кузьминских).

§ 1.1. ВСЕВОЛОЖИ, ТУРИКОВЫ И ЗАБОЛОЦКИЕ — ПОТОМКИ ПРАВИТЕЛЕЙ СМОЛЕНСКА. Одна из первых характеристик родословных росписей XVII в. потомков великого князя Ростислава (Михаила) Мстиславича, внука киевского князя Владимира Мономаха, принадлежит известному русскому генеалогу Л. М. Савёлову. Исследователь заметил, что «родословие Смоленских князей очень запутано, в нем много неясностей, почему происхождение от них родов, не имеющих княжеского титула, весьма сомнительно и требует особых доказательств *в каждом отдельном случае* (курсив мой. — А. К.), хотя бы эти роды и были официально признаны происходящими от Рюрика»²⁰.

Наиболее древняя легенда о выезде на службу в Москву из Смоленска и княжеском статусе предка сохранилась в росписи Всеволожей и Заболоцких. Поэтому выяснение происхождения военно-служивых родов знати, утративших свой титул, логично начать именно с это-

¹⁹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957. С. 162—166.

²⁰ Савёлов Л. М. Лекции по генеалогии. С. 123.

го рода. Основным объектом исследования станет выяснение степени родства Всеволожей со смоленскими и брянскими князьями, а также их служба у Калитовичей в XIV — начале XV в.

Древность письменной фиксации легенды о княжеском происхождении Всеволожей позволяет проводить анализ сведений о них, начиная не только с Государева родословца 1555 г. и Бархатной книги 1688 г., но и других источников. Благодаря им, эволюцию родословной Всеволожей можно рассмотреть с момента ее зарождения, то есть с рубежа XV—XVI вв., а деятельность представителей этой фамилии — с середины XIV — до конца первой трети XV в. В это время Всеволожи занимали одно из первых мест в думе Калитовичей.

Самая ранняя роспись Всеволожей с версией о смоленских корнях их предка сохранилась в составе подборки родословных материалов Синодального списка 30-х гг. XVI в. *Тун. ред.*²¹ Это раннее известие источника снимает все сомнения относительно достоверности княжеского происхождения Всеволожей²². По наблюдениям С. Б. Веселовского, «наибольшей полнотой отличается родословие Всеволожей. Оно настолько полно в сравнении с другими боярскими родами, что обращает на себя внимание»²³. Согласно *Тун. ред.*: «А у князя Александра у Всеволожа²⁴ оу Смоленского было два сына: большой Иванъ Александрович, другой Дмитрий Александрович». Анализ текста этой родословной показывает, что сохранился не ее протограф, а его 1 или 2 извод, причем в дефектном состоянии. Так, например, перечисляя потомков известного боярина первой трети XV в., И. Д. Всеволожа, переписчик пропустил не только имя его первого сына Семена, но и часть фразы. В результате получился не совсем ясный фрагмент текста: «А у Дмитрея у Александровича два сына: большой Иванъ Дмитриевич, а другой Иван Иванович».

²¹ ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 230—231. Л. 327 об. — 329 об. Последние исследования о Типографской летописи, ее редакциях и ее списках первой половины XVI—XVIII вв., например, см.: *Сербина К. Н.* Типографская летопись 1528 г. // ВИД. 1991. Вып. 22. С. 174—187; 1993. Вып. 24. С. 225—240; *Лурье Я. С.* Летопись Типографская // СККДР. 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 63—64; *Он же.* Летописи // Литература Древней Руси. М., 1996. С. 104; *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. 24. С. V—XI.

²² Достоверность родословной легенды Всеволожей не вызывает сомнений в историографии (например, см.: *Мятлев Н. В.* Челобитная Михаила Татищева // ЛИРО, 1907 г. Вып. 1. С. 9; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 331; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 223, 225 (Схема 19); *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 251; *Назаров В. Д.* Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002. С. 576; *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. 2. С. 125; и др.).

²³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 12—13.

²⁴ В рукописи ошибочно «Всеволода».

вичь». И только из последующей фразы, «а у Семена у Ивановичя Иванъ Семеновъ сынъ Бздоха» можно догадаться, в каком именно месте текста образовалась скрытая лакуна²⁵.

Изменение состава *Tun. red.* родословных материалов, комплекс которых оформился не ранее 1506—1507 гг.²⁶, а также добавление новых сведений в текст этого источника летописной редакции длился вплоть до конца 30-х гг. XVI в. Однако никаких исправлений или подновлений в текст родословия Всеволожей и Заболоцких внесено не было²⁷. Такая ситуация возникла позже.

При сравнении текстов *Лет. ред.* и *Рум. ред.* родословных книг 40-х гг. XVI в. наблюдается следующая ситуация. В первой из них в главе «Род князей смоленских» о происхождении Всеволожей и Заболоцких не говорится ни слова. Между тем в *Рум. ред.*, напротив, отмечается, будто бы у смоленского князя Глеба Святославича († 12 VIII 1399), убитого ордынцами на р. Ворскле²⁸, был «сын Олександр-Всеволод». От него пошли Всеволожи и Заболотские, «да от того же Глеба Жижемские князи пошли»²⁹. Последняя фраза попала в текст *Рум. ред.*, скорее всего, весьма поздно. Возможно, не ранее 60-х гг. XVI в.

Сначала версия о происхождении Всеволожей и Заболотских от смоленского великого князя Глеба Святославича не получила широкого распространения в списках родословных книг конца XVI — начала XVII в.³⁰ Так, например, эта версия не отразилась в основном тексте Архивского VIII списка *Комп. ред.* Между тем, стоит отметить, что этот источник напрямую восходит к протографу редакции. Судя по всему, он сформировался из ряда родословных материалов (в том числе *Tun. red.*) еще во второй половине XVI в.³¹

²⁵ ПСРЛ. Т. 24. С. 230. Л. 329. Не проводя текстологического исследования разных редакций росписи Всеволожей, Л. И. Ивина бездоказательно включает в число бояр великого князя Дмитрия Донского мифического Александра Глебовича Всеволожа и его сына Дмитрия (ср.: *Ивина Л. И.* Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XV в. // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. СПб., 2006. С. 120).

²⁶ *Бычкова М. Е.* Римская тема в русских генеалогических сочинениях XVI—XVII вв. // Рим, Константинополь, Москва. М., 1997. С. 268.

²⁷ См., например, родословные материалы в Новгородском владычном своде 1540-х гг. архиепископа Феодосия. Они сохранились в составе Н1V1 по списку П. П. Дубровского конца XVI — начала XVII в., а также Архивской (Ростовской) летописи, дошедшей в списке конца XVII или начала XVIII в. (ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 259—260. Л. 476—477; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 848—849). Ему предшествовал Новгородский свод 1539 г. Подробнее об этом см.: *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 44—45; *Лурье Я. С.* Летопись Архивская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 37; и др.

²⁸ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 458—459; Т. 25. М.; Л., 2004. С. 229. Л. 321.

²⁹ РИИР. 1977. Вып. 2. С. 77. Л. 1 об.

³⁰ Как правило, она отражается в текстах родословных книг, начиная со второй четверти XVII в. (например, см.: ОР РНБ. Q XVII. Q XVII. № 3. Л. 87—87 об.).

³¹ РГАДА. Ф. 181. № 67/90. Л. 36—38 об.

Более серьезные различия заметны при сличении глав «Род Всеволож» (*Лет. ред.*) и «Род Всеволож Заболоцких» (*Рум. ред.*). Первая из них отличается явной неполнотой поколенной росписи. Здесь заметны следы редакции и дефекта текста, как и в случае с *Tun. ред.*, отсутствуют данные о тех потомках Ивана Всеволожа, которые к моменту создания источника, по-видимому, уже вымерли. Ему приписаны дети его родного брата Федора Турика — Федор и Никита. В родословной росписи эти братья записаны бездетными. Таким образом, в результате дефекта при переписке собственно о Туриковых из-за пропуска в тексте не говорится вообще. Среди детей князя Александра Всеволодовича Смоленского Дмитрий был записан старше своего брата Ивана³². Последняя редакторская правка в тексте была явно сделана в интересах местнических споров, в которых Заболоцким далеко не всегда сопутствовал успех³³.

В отличие от *Лет. ред.*, в *Рум.*, напротив, текст родословной Всеволожей был дан без описок и сокращений (допущенных, кстати, даже в *Tun. ред.*). В *Рум. ред.*, как и в *Лет.*, местами поменялись братья И. А. и Д. А. Всеволожи. В этом случае старшинство второго из них подтверждается данными синодика Переяславского Успенского Горицкого монастыря³⁴. Таким образом, чтение *Лет.* и *Рум. ред.* более верно, чем в чуть более ранней *Tun. ред.* Однако самый важный момент, на который стоит обратить внимание, — это трансформация начала родословия Всеволожей, а как следствие — рождение сюжета о выезде на службу в Москву, правда, без легендарных подробностей: «Приишол из Смоленска князь Олександр Всеволод Глебович (курсив мой. — А. К.)». У их предка оказывается, кроме того, еще и средний сын — князь Владимир, которого нет в более ранних редакциях (в том числе и в списках второй половины XVI в. *Разр. ред.*³⁵). Для убедительности относительно раннего появления в Москве здесь отмечено, что «Дмитрей, да Володимер были воеводы у великого князя Дмитрея в передовом полку на Дону»³⁶. Такие поновления в тексте

³² РИИР. Вып. 2. С. 51. Л. 611.

³³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. С. 101—108, 111, 115, 116; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 23—24, 25—26, 336—337; Зимин А. А. Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. 1970. С. 111—112; и др.

³⁴ Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV—XVI вв. // РД. 2003. Вып. 9. С. 28. Л. 13.

³⁵ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1529. Л. 153. В некоторых списках разных редакций родословных книг в XVII в. князь Владимир Всеволож оказывается включенным в росписи Всеволожей и Заболоцких (см., например: ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 88 об.; ОР РНБ. Q IV. № 272. Л. 220; Q XVII. № 3. Л. 223; и др.).

³⁶ РИИР. Вып. 2. С. 139. Л. 107. Эта вставка есть и в поздних списках XVII в. *Разр. ред.* (ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 88 об.).

родословия Всеволожей и Заболоцких позднее отразилось и в Бархатной книге 1688 г.³⁷

Летописи, написанные до середины 20-х гг. XVI в., данных о службе братьев Всеволожей при дворе великого князя Дмитрия Ивановича в 1380 г. не имеют. По мнению Р. Г. Скрынникова, их участие в битве на Дону было сочинено книжниками Троицы. По мнению исследователя, это могло произойти после 1426 г., когда И. Д. Всеволож «стал естественным опекуном удельной семьи и ее владений в Радонеже». Князь Андрей Владимирович не оставил наследника, и «удельный монастырь получил в лице боярина нового патрона»³⁸. Между тем большинство исследователей, напротив, относятся к сведениям «Сказания» об участии Всеволожей в битве на Дону с полным доверием³⁹.

Как правило, исследователи не придают значения тому факту, что в ранних редакциях родословной росписи Всеволожей-Заболоцких Владимир Всеволож не упоминается⁴⁰. Кроме того, его нет и среди записанных представителей рода Всеволожей в синодике Переяславского Успенского Горицкого монастыря. Этот источник, в отличие от родословной, однако знает младших братьев князя Александра Всеволодовича — Семена и Федора⁴¹. Включение Владимира Всеволожа в текст Государева родословца 1555 г., очевидно, напрямую связано с использованием в середине — второй половине XVI в. в качестве дополнительного источника текста «Сказания о Мамаевом побоище».

³⁷ Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... (*далее* — БК). 1787. Ч. 2. Глава 21. С. 43. До составления Бархатной книги в 1688 г. эта версия о происхождении Заболоцких весьма часто встречается в частных редакциях родословных книг (ср.: РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 103, № 173/278. Л. 273; ОР РГБ. Ф. 178. № 734. Л. 125 об.; и др.).

³⁸ Скрынников Р. Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 60; см. также: Kloss B. M. Monasticism During the Formation of a Centralized State // Russian Studies in History. 2013. Vol. 52. № 1. P. 28. Между тем, по мнению Я. С. Лурье, события 1380 г. закрепились в древнерусской литературе и летописании в интерпретации радонежских книжников (например, в «Сказании о Мамаевом побоище») лишь в середине XV — начале XVI в. (Лурье Я. С. Русь XV в. // ВИ. 1993. № 11/12. С. 5). Однако в этом памятнике прослеживается редактирование текста разными лицами; ср., например: Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 56, 90, 101, 135, 180 («Всеволожи») и С. 68—69, 180 (князя Всеволодовичи).

³⁹ Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 117; Он же. Куликовская битва. М., 1980. С. 49; Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. // Повести о Куликовской битве. С. 356, 370; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 331, 491; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 223; Алексеев Ю. Г. Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 49; Петров А. Е. Историческая информация о Куликовской битве в тексте «Сказания о Мамаевом побоище» // Исследования книжных памятников: История. Филология. Историко-лингвистика. М., 2000. С. 114; Ивина Л. И. Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XV в. С. 120, 126; и др.

⁴⁰ Например, см.: ПСРЛ. Т. 24. С. 229. Л. 327; Т. 43. С. 259. Л. 476; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 178; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 848; РИИР. Вып. 2. С. 51. Л. 611; и др.

⁴¹ Антонов А. В. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря... С. 28. Л. 13—13 об.

Радонежский князь Андрей Владимирович был женат на Елене, старшей дочери И. Д. Всеволожа⁴². В 1421 г. свою вторую дочь влиятельный московский боярин выдал замуж за князя Юрия Ивановича — представителя тверской династии⁴³. Между 1429 и 1431 гг. «по Ординском приходе Иванъ Дмитриевич княжу Андрееву дщерь, а свою внуку, обручаль за князя Василья», сына галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича. Князь Василий Юрьевич был внуком великого князя Дмитрия Донского⁴⁴. В конце 1431 г., будучи уже московским наместником, И. Д. Всеволож заручился согласием Василия II и, очевидно, его матери породниться с великокняжеской семьей. Правитель Москвы обещал родовитому боярину жениться на его дочери (третьей?). Однако после возвращения из Орды в 1432 г. великий князь Василий II и его мать Софья Витовтовна в этом И. Д. Всеволожу отказали, причем, как не без основания предполагает С. Б. Веселовский, в весьма грубой форме⁴⁵. Причину такого коварства великокняжеской семьи, по-видимому, раскрывает Медоварцевский летописец 20—30-х гг. XVI в. Источник утверждает, что вскоре после возвращения в Москву И. Д. Всеволож был оклеветан завистниками и ослеплен за то, что «егда бе с великим князем Васильем, в Орде, тогда де и с князем Юрьем сватался дщерию своюю за его сына, да и Дмитров царь дал князю Юрью по Иванову слову»⁴⁶.

Из текста *Рум. ред.* версия о происхождении Всеволожей и Заблоцких от смоленского князя Глеба Святославича вскоре попала в Государев родословец. По крайней мере, именно она отмечена в Бархатной книге 1688 г.⁴⁷

Создание *Пап. ред.* относится ко времени конца правления царя Ивана IV Васильевича Грозного⁴⁸. Здесь в главе «Родъ Князей Смоленскихъ, а отъ нихъ пошли Вяземские, Жижемские, Фоминские, Кропоткинны» о Всеволожах и Заблоцких не говорится⁴⁹. Правда, в одном

⁴² АСЭИ. 1952. Т. 1. № 54. С. 55 [Подлинник]; РИИР. Вып. 2. С. 11. Л. 585; РГАДА. Ф. 181. № 184/292. Глава 2. Л. 28; Родословная книга // ВОИДР. 1851. Кн. 10. Отд. 2. С. 26, 133; ПСРЛ. Т. 25. С. 250. Л. 348 об. — 349. В синодике придворного Успенского собора Московского Кремля сохранилась следующая запись: «Благодарнымъ Княгинямъ... и Княгине Елене Андрееве, и Княгине Улиане, нареченной въ мнишескомъ чину Елене, Васильеве Володимиричихъ, вечная память» (ДРВ. 1788. Ч. 6. С. 445).

⁴³ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 142; Т. 24. С. 181. Л. 254, под 6930 г.; Т. 25. С. 245. Л. 342 об.; и др.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 250. Л. 348 об. — 349.

⁴⁵ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 339—340; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 49—50.

⁴⁶ Цит. по ст.: *Лурье Я. С.* Рассказ о боярине И. Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // ПКНО, 1977. 1977. С. 10; см. также: *Он же.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 15, 23—24.

⁴⁷ БК. Ч. 1. Глава 10. С. 95.

⁴⁸ *Бычкова М. Е.* Родословные книги... С. 65—85.

⁴⁹ Родословная книга. С. 246—247.

из более поздних списков этой редакции (уже начала XVII в.) заметна новая попытка более удачно вписать данную фамилию в общее родословие смоленских князей. Вставка четко фиксируется при сравнении текстов разных редакций:

Летописная редакция	Извод Патриаршей редакции
<p><i>А у князя Глеба Смоленского сын князь Олександр. У князя Олександра дети: князь Иван Большой, да князь Дмитрей, да князь Иван Меньшой⁵⁰.</i></p>	<p><i>У князя Олександра у Всеволода у Глебовичя у Смоленского были три сына: князь Иван Большой, да Дмитрей, да Иван Меньшой. И от Ивана от Большого пошли Смоленские князи. А от Дмитрея да оты Ивана от Меньшого пошел род Всеволож-Заболоцких⁵¹.</i></p>

Во всем прочем роспись Всеволожей и Заболоцких за XV—XVI вв. близка к *Рум. ред.* родословных книг и Бархатной книге 1688 г.

Невозможность происхождения Всеволожей от смоленского князя Александра Глебовича († 1313)⁵² доказал еще С. Б. Веселовский. Исследователь верно подметил:

«Некоторые источники родоначальником считают не Александра Всеволода, а кн. Александра Всеволожа или Всеволодича Смоленского. Этот вопрос разрешается записями родичей Заболотских в синодиках. Так, в синодике Переяславского Горицкого монастыря в „роде“ Заболотских вел. кн. Всеволод и кн. Александр записаны как два различных лица. Таким образом, показание Бархатной книги в этом отношении следует признать неверным»⁵³.

С. Б. Веселовский допустил, что вероятным предком этого рода московских бояр мог быть псковский князь Александр Всеволодович. Впрочем, исследователь иногда его вновь почему-то называет Глебовичем, чего источники не знают⁵⁴.

⁵⁰ РИИР. Вып. 2. С. 26. Л. 594 об.

⁵¹ ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 178; см. также: РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 103; Родословная книга. С. 53; ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 339; и др.

⁵² ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 178. Старший сын этого князя погиб в 1300 г. в бою под Дорогобужем с ратью князя Андрея Вяземского (Там же. Т. 1. Вып. 2. М., 1997. Стб. 485. Л. 171 об.); средний — Василий Брянский — скончался в 1314 г. (Там же. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36. Л. 265; Там же. Т. 10. С. 178; Т. 15. Стб. 408; Т. 10. С. 178); младший — Иван Смоленский — умер в 1359 г. (Там же. Т. 10. С. 231; Т. 15. Вып. 1. Стб. 67. Л. 286).

⁵³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 331.

⁵⁴ Ср.: Псковская летопись, изданная... М. [П.] Погодиным. М., 1837. С. 22; ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 354. Л. 210; Там же. Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 18. Л. 28; Вып. 2. М., 2000. С. 24. Л. 172, С. 92—93. Л. 19—19 об.

Недавно происхождение Всеволожей и Заболоцких было уточнено, высказывалось предположение, что князь Александр Всеволодович, отец Ивана и Дмитрия Всеволожей, скорее всего, был внуком смоленского князя Глеба Ростиславича, старшего брата правителя Ярославля — Федора Чёрного⁵⁵. Эта точка зрения поддержана в историографии⁵⁶. Рассмотрим ее подробнее.

В летописях князь Александр Всеволодович упоминается в связи с событиями 1340/41 г., когда из-за своего несогласия в связи с заключением союза между Псковом и ВКЛ он покинул город и уехал в Новгород. Можно было бы предположить, что именно князь Александр Всеволодович еще раз оказался на княжении в Пскове в 1367 г.⁵⁷ Однако этому противоречат данные сфрагистики⁵⁸. Сроки правления здесь двух князей по имени Александр можно определить. Александр Всеволодович был в Пскове не ранее 1337—1340/41 гг., а его тезка — между 1357—1369 гг.⁵⁹ По мнению С. Б. Веселовского, семья Всеволожей появилась в Москве не ранее 60-х гг. XIV в.⁶⁰ До этого момента их предок, будучи служилым князем, по-видимому, находился на кормлениях в Псковской и Новгородской земле. У князя Александра Всеволодовича известно два сына — Иван и Дмитрий. С. Б. Веселовский допускал⁶¹, что впервые

⁵⁵ Кузьмин А. В. Начало рода Всеволожских // История московского боярства XIV—XVII вв. М., 1997. С. 3—7; *Он же*. К истории формирования московского боярства XIV — начала XV в.: «Родь Всеволож Заболоцких» // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. М., 1999. № 1. С. 84—85.

⁵⁶ Шокарев С. Ю. К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец. М., 2001. № 1. С. 19—20.

⁵⁷ Ср.: ПЛ, изданная... М. [П.] Погодиным. С. 33; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 28. Л. 176 об., под 6876 г.; С. 103—104. Л. 36, под 6876 г. (ср.: Там же. Т. 3. С. 369—370. Л. 221, под 6875 г.). О происхождении известия под 6849 г. псковских летописей о князе Александре Всеволодовиче см.: *Серебрянский Н. [И.]* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества. М., 1908. С. 34.

⁵⁸ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 72—73.

⁵⁹ Лабутина И. К. и др. Новые сфрагистические находки в Пскове // СА. 1985. № 1. С. 225—226. Впрочем, вслед за В. Л. Яниным, исследователи не исключают, что во втором случае на княжении в Пскове мог упоминаться старший сын бывшего полоцкого князя Наримонта (Глеба) Гедининовича — князь Александр (*Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 3. С. 72—73). Против такой точки зрения выступает С. В. Белецкий (*Белецкий С. В.* Печати «князя Олександрова» // Там же. С. 234—235). Версию о смоленском происхождении князя Александра Всеволодовича исследователи не рассматривали, ограничившись поиском среди Рюриковичей, княживших в Северо-Восточной Руси (Там же. С. 226, 231—240).

⁶⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 490—491.

⁶¹ С. В. Веселовский, как и большинство историков его времени, датировал dokonчание русских и литовских князей 1371 г. (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 332, 489).

младший из Всеволожей мог упоминаться в перемирной грамоте с ВКЛ (12—31 VII 1372 г.⁶²).

Однако не исключено, что столь ответственную посольскую миссию могли поручить более опытному боярину, каким, несомненно, был Д. А. Зернов. Его род был в числе старинных вотчинников Северо-Восточной Руси. Древнейшие их земли находились под Костромой⁶³. В середине XVI в. в росписях Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых появилась оригинальная легенда. Согласно источнику, они — потомки мурзы Чета, выехавшего на службу к великому князю Ивану I Калите. Этот татарин якобы принял крещение под именем Захарий: «А у Захарья сын Олександр. А у Олександра сын Дмитрий Зерно»⁶⁴. Именно эта версия родословной легенды в 1680-е гг. была подана Сабуровыми в Палату родословных дел⁶⁵. Между тем в частный список родословной Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых начала XVII в. были включены новые биографические данные о предке: его выезд на Русь произошел «из Золотые Орды» в 1330 г. При этом Чета крестит уже не только митрополит Петр († 1326), но и его преемник — Феогност († 1353)⁶⁶! Конечно, принимать всерьез этот литературный пассаж нет смысла. Его историческая несостоятельность доказана С. Б. Веселовским⁶⁷.

В 1304 г. «бысть вече на Костроме» против бояр умершего великого князя Андрея Городецкого, третьего сына Александра Ярославича Храброго. Перечисляя имена погибших, летописец отдельно замечает: «Тогда жь Зерна убиша и Александра». В более позднем тексте в этом предложении разделительного союза «и» нет⁶⁸. С. Б. Веселовский полагал, что данное чтение, указанное в Симеоновской и Ермолинской летописях более верно, чем в Воскресенской и Львовской. Благодаря этому исследователь сделал вывод, что в этом случае идет речь

⁶² ДДГ. 1950. № 6. С. 22 [1371 г. — по Л. В. Черепнину; его аргументацию подробнее см.: *Черепнин Л. В.* РФА. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 45—51]. О точной дате заключения мира подробнее см.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // *Куликовская битва*. М., 1980. С. 89—93; *Он же.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 г. // *ДРВМ*. 2000. № 1. С. 11—39; № 2. С. 1—14; *Он же.* Договорные грамоты московских князей XIV в. М., 2003. С. 119—168.

⁶³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 169—173; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 191.

⁶⁴ РИИР. Вып. 2. С. 118. Л. 68; см. также: Там же. С. 50. Л. 610 об.; ОР РГБ. Ф. 256. № 349. Л. 174; ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 336; и др.

⁶⁵ *Ювеналий (Воейков), иезум.* Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Сабуровых, в удовольствие оной знаменитой фамилии. М., 1797. С. 3—4, 5.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58.

⁶⁷ Тем не менее до сих пор находятся исследователи, которые серьезно относятся к этой мифической хронологии (например, см.: *Морозова Л. Е.* Род Годуновых: на пути к престолу // *История московского боярства XIV—XVII вв.* С. 9—10).

⁶⁸ Ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 393 (стр. 443); Там же. Т. 18. М., 2007. С. 86. Л. 152; и др.

об Александре Захарьевиче Зерне, общем предке Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых⁶⁹.

Между тем тексты двух последних летописей, имеющих одни источники и ряд принципиально схожих чтений, независимо друг от друга восходят к Московскому своду конца XV в.⁷⁰ В нем отмечено чтение, которое цитировалось выше. Очевидно, что компилятор XVI в. уже не понимал, что в приведенном тексте летописца речь шла о двух людях, а не об одном человеке. Поэтому он и убрал в тексте разделительный союз «и». Поэтому мнение С. Б. Веселовского, прочно укрепившееся в историографии, в данном случае следует признать ошибочным. Кроме того, нет прецедентов, когда боярин сначала упоминался по прозвищу, а уже затем был записан по имени.

Теперь очевидно, что в 1304 г. не обязательно должен был погибнуть предок Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых — Александр Зерно. Кстати, по сведениям родословцев это распространенное прозвище носил отнюдь не он, а его сын Дмитрий⁷¹. Он жил во второй половине XIV в. Кроме того, важно отметить, что Дмитрий Григорьевич, один из предков Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Окуневых и Сомовых, также носил прозвище Зерно. Он жил в конце XIII — начале XIV в.⁷² Его семья, чьи родовые владения находились вокруг Суздаля и Костромы, служила в боярах у владими́ро-суздальских князей⁷³. Поэтому отождествлять упоминаемого в 1304 г. Зерна только с предком Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых не вполне корректно. Несомненно, прав С. Б. Веселовский, относя к концу XIII в. время деятельности Захария Чета⁷⁴. Однако датировать смерть его сына 1304 г. с точки зрения хронологии не представляется верным. Получается, что Дмитрий Александрович, внук Захария, крупный вотчинник из Костромы, перейдя на службу в Москву при Иване I Калите, только в правление его внука Дмитрия Донского или чуть ранее — при Иване II Красном, т. е. приблизительно спустя 50—60 лет после гибели

⁶⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 166.

⁷⁰ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 260—274, 319—351.

⁷¹ РИИР. Вып. 2. С. 50. Л. 610 об., С. 118. Л. 68; РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58; № 85/111. Л. 99; и др.

⁷² ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 149 об.; Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV—XV вв. // ИГ. 1993. Вып. 2. С. 42. Л. 311 об. — 312.

⁷³ ОР РГБ. Ф. 310. № 813. Л. 149—150; Морозов Б. Н. Родословная роспись Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых с уникальными известиями XIV—XV вв.: (Исследование) // ИГ. 1994. Вып. 4. С. 14—19.

⁷⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 163, 165, 483, 487.

отца, стал боярином! Такой длительный служебный путь Д. А. Зернова при дворе Калитовичей представляется маловероятным. Кроме того, С. Б. Веселовский, а также сторонники его интерпретации текста и отождествления лиц в летописях, не рассмотрели еще несколько возможных вариантов.

В середине XIV в. одним из наиболее видных бояр в Москве стал Михаил Александрович. Его имя упоминается в марте — мае 1348 г. в dokonчании великого князя Семена Гордого со своими младшими братьями Иваном и Андреем Ивановичами⁷⁵. В 1353 г., будучи великокняжеским наместником в Лопасне, входившей в состав удела малолетнего князя Владимира Андреевича, он попал в плен к рязанцам. Михаилу Александровичу во время пребывания в плену у великого князя Олега Ивановича († 1402) пришлось стерпеть много унижений. По свидетельству летописца: «Поведоша его на Рязань и биша его и многы пакости ему сътвориша и потомъ едва выкупили его»⁷⁶. Между 1353—1357 гг. зятем Михаила Александровича стал другой видный боярин великого князя Ивана II Красного — В. В. Вельяминов, будущий московский тысяцкий⁷⁷. Несомненно, что выдающееся положение в Москве боярина Михаила Александровича в определенной степени было основано на заслугах, которых ранее на службе добился его отец. Поэтому не исключено, что и боярин Александр, отец Михаила, в 1304 г. вполне мог стать жертвой вечников в Костроме.

Недавно С. В. Конев опубликовал оригинальный источник по генеалогии княжеских, боярских и дворянских родов Северо-Восточной Руси XIII—XVI вв. В отличие от списка Вселенского синодика Успенского собора Московского Кремля (в издании Н. И. Новикова), в Ростовском соборном синодике 1642 г. в нескольких случаях у имен московских бояр XIV — начала XV в. также были отмечены их семейные прозвища. Благодаря одному из них, «впервые нам становится извест-

⁷⁵ ДДГ. № 2. С. 13 [Подлинник]. Л. В. Черепнин предлагает датировать данную грамоту 1350—1351 гг. (*Черепнин Л. В.* РФА. Ч. 1. С. 20—25); А. А. Зимин — до зимы 1350/51 г. (*Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // ПИ. 1958. Сб. 6. С. 280. Примеч. 31—32); более точно — весной 1348 г. — это сделал В. А. Кучкин (*Кучкин В. А.* Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16—24, 255—257). Подробнее о тексте договора см.: *Кучкин В. А.* «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // ИСССР. 1988. № 4. С. 151; *Он же.* Судебник 1497 г. и договорные грамоты московских князей XIV—XV вв. // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI—XIX вв. М., 2000. С. 115; *Он же.* Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // СР. 2009. Вып. 8. С. 101—175; и др.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63. Л. 283. В. А. Кучкин, к сожалению, без разъяснений датирует это известие 1354 г., хотя погодные записи этой статьи относятся к 1353 г. (ср.: *Кучкин В. А.* Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8. С. 105—106).

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66. Л. 285.

ным историческое, а не легендарное отчество родоначальника Романовых, Шереметевых, Колычевых и других — Андрея Александровича Кобылы»⁷⁸. Поэтому следует принять во внимание уже ставшие хрестоматийными сведения о старинных вотчинах его потомков под Костромой, об их позднейшей связи с местным Троицким Ипатьевским монастырем⁷⁹. С середины XV в. одним из его главных вкладчиков и ктиторов был род Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых-Зерновых и их родня⁸⁰. Тогда более явной становится невозможность бесспорно-

⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 69; *Конев С. В.* Синодиколия. Ч. 2 // ИГ. 1995. Вып. 6. С. 98. Л. 69. Это уникальное известие источника позволяет видеть в упоминавшемся в Успенском синодике среди московских бояр XIV в. «Андрее Александровиче» именно Андрея Кобылу (ДРВ. Ч. 6. С. 452). Таким образом, в противоречивости записи в родословцах и местнических делах середины XVI—XVII вв. отчество Андрея Кобылы и Федора Шевляги как Иванович или как Михайлович [подробнее об этом, например, см.: РИИР. Вып. 2. С. 45. Л. 607 (только в заголовке — «Род Ондreja Ивановича Кобылы»); РГАДА. Ф. 181. № 85/111. Л. 88 (в заголовке — «Род СѦндрѦа Ивановича Кобылинь»); ОР РНБ. О XVII. № 30. Л. 94 об. — 95 («Род СѦндрѦа Ивановича Кобылина, да брата его родново Федора Ивановича Шевляги»); ОР РНБ. Q XVII. № 3. Л. 327 об. («Род Ондreja Ивановича Кобылина, от него пошли Захарыны, Шереметевы, Безупцовы»); ВОИДР. Кн. 10. С. 89, 159; *Барсуков А. [П.]* Род Шереметевых. СПб., 1881. Кн. 1. С. 2; *Селифонтов Н. Н.* Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. СПб., 1901. Ч. 1. С. II—V, 15, 19, 24, 31, 39, 49, 71, 73, 74, 97; 1898. Ч. 2. С. X—XIII, 1—7; *Ш[ереметев] Г. С.* Князь Афанасий Данилович, сын князя Даниила Александровича Московского. СПб., 1908. С. 17; *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 5, 7—8, 10—12; *Эскин Ю. М.* Местническое дело К. А. Трусов — князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. С. 304. Л. 38 (б. 2); ОР РНБ. Q IV. № 86. Л. 37 («Род АндрѦа Ивановича Кобылина, что выѦхал из Немец, и от него пошли многия роды московских бояр и дворянь»); и др.] можно заметить скрытое проявление незнания потомками Андрея Кобылы реальной генеалогии предков, живших в конце XIII — начале XIV в. Эта тенденция также очевидна в родовых помянниках Захарыных-Кошкиных, списках ранних редакций родословных книг и ряде местнических дел, в которых Андрей Кобыла упоминается без отчества (ср.: ОР РГБ. Ф. 218. № 1518. Л. 24; *Хорошкевич А. Л.* Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеогеография. М., 1993. Ч. 1. С. 79; РИИР. Вып. 2. Глава 19. С. 150. Л. 125; ПСРЛ. Т. 43. Л. 260. Л. 477 об.; БК. Ч. 2. С. 93; и др.). Об этом также см.: *Кузьмин А. В.* Кобыла Андрей Александрович // БРЭ. 2009. Т. 14. С. 370. Таким образом, версия Г. С. Шереметева, нашедшая некоторую поддержку в историографии, о происхождении Андрея Кобылы от новгородца Иванка, державшего от владимирского великого князя Дмитрия Александровича и властей Новгорода в кормление бежецкий Городец (ср.: *Ш[ереметев] Г. С.* Князь Афанасий Данилович, сын князя Даниила Александровича Московского. С. 17—19, 32—33; *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. С. 11, 200. Примеч. 40; и др.), еще раз оказывается опровергнутой.

⁷⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 187, 149, 150.

⁸⁰ ОР РГБ. Ф. 209. № 419. Л. 22 об.; Ф. 256. № 387. Л. 37; *Востоков А. [Х.]* Описание русских и словенских рукописей. СПб., 1842. С. 582; *Григорий, архим.* Рукописный сборник XVIII в. // ЧОИДР. 1879. Кн. 1. С. 7. № II. Подробнее об этом см.:

го отождествления Александра, погибшего в 1304 г., исключительно лишь с предком Зерновых. Возможны и другие версии. В Костроме среди казенных вечниками великокняжеских бояр могли оказаться и другие Александры, например, отцы московских бояр Михаила и Андрея Кобылы.

В родословцах внуками Александра Захарьевича были трое детей Дмитрия Зерна. В разных редакциях этого источника старшинство между Иваном и Константином показано по-разному. Так, например, в *Тит. ред.* отмечается: «А се родъ Костянтина Дмитриевича: Костянтинъ, Дмитриевъ сынъ Зернова, братъ Ивану Дмитриевичу Зернову *меньшой* (курсив мой. — А. К.)»⁸¹. В Государеве родословце 1555 г., Бархатной книге 1688 г. и близких к ним редакциях: «У Дмитрея у Зерна были 3 сына: Иванъ, да Константинъ Шея, бездѣтень, да Дмитрей»⁸². В начале XVII в. в частном родословце, принадлежавшем Яновым: «1-й сын Иван, боярин был; 2-й сын Константин, а прозвище Шея, боярин был у великаго князя Дмитрея Ивановича у Донсково; 3-й сын Дмитрей»⁸³. Важно отметить, что в трех поколениях за вторую половину XIV — начало XV в. имена старших представителей рода Зерновых совпадают с именами предков Всеволожей и Заболоцких, живших в это же время. Поэтому сведения источников, где фигурируют люди с данными именами и отчествами без родовых прозвищ, надо тщательно проверять, чтобы не приписать сведения, относящиеся, например, к Зерновым — Всеволожам и наоборот.

Возвышение влияния семьи Всеволожей в Москве началось в правление великого князя Василия I Дмитриевича (1389—1425). В это время вслед за Фоминскими несколько выходцев из мелких удельных княжений, расположенных на востоке Смоленщины, также попали в московскую боярскую думу (например, Александр Борисович Поле, Иван Иванович Толбуга Ржевский и др.). В 1390 г. Д. А. Всеволож, младший из сыновей князя Александра Всеволодовича, был первым в числе бояр великого князя, которые участвовали в «мене» земель с киевским ми-

Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения. Род Дмитрия Александровича Зернова // Изв. 1946. Т. 18. С. 56—91; *он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 158—188. Даже в начале XVII в. Годуновы оставались одними из крупнейших землевладельцев в Костромском крае, где «их вотчины доходили до 1000 четвертей» (*Латушкин А. В.* Отказные книги XVII в. // Сов. архивы. 1969. № 6. С. 112).

⁸¹ ПСРЛ. Т. 24. С. 231. Л. 331 об.

⁸² БК. Ч. 1. С. 240; ОР РГБ. Ф. 256. № 350. Л. 135; и др.

⁸³ РГАДА. Ф. 181. № 63/86. Л. 58; см. также: РИИР. Вып. 2. Глава 12. С. 118. Л. 68.

В *Лет. ред.* имя Константина Шеи, сына Дмитрия Александровича Зерна, не упоминается (РИИР. Вып. 2. С. 50. Л. 610 об.). Очевидно, сокращение текста родословной было связано с тем, что у него не осталось потомков по мужского рода.

трополитом Киприаном⁸⁴. 6 XI 1392 г. Д. А. Всеволож был в числе старейших бояр, приехавших вместе с Василием I из Москвы в Нижний Новгород. В конце декабря 1392 г. в этот город Д. А. Всеволож был назначен наместником великого князя⁸⁵. В 1392 г. его родной брат Иван Всеволож («Всеволожич») вместе с еще одним московским боярином Д. Т. Валуевым ездил в Великий Новгород, где они производили сбор черного бора⁸⁶.

Д. А. Всеволожа нет среди послухов в первой духовной великого князя Василия I, составленной около 1406—1407 гг.⁸⁷ По-видимому, к этому времени боярин уже оставил службу за немощью, постригся в монахи или умер. Правда, в этой грамоте упоминается боярин Иван Дмитриевич⁸⁸. Как полагают исследователи, им могли быть только два лица: Всеволож или Зернов⁸⁹. (Вариант «Иван Дмитриевич из рода Нетшинных» маловероятен, так как он в это время едва родился, а его родственники были связаны службой в Можайско-Белозерском уделе⁹⁰.)

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 223. Л. 335; АФХЗ. 1951. Ч. 1. № 1. С. 24. Л. 15 [Список XVII в.]; ПСРЛ. Т. 43. С. 259. Л. 474 об. — 475; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 847; *Коркунов М. А.* Памятники XV в.: Акты из дела о местничестве Сабурова с Заболоцким // Исторические чтения о языке и словесности. СПб., 1857. С. 197.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 220. Л. 306 об. — 307. О хронологии событий в Нижнем Новгороде в конце 1392 г. подробнее см.: *Кучкин В. А.* Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 131—132. По мнению В. А. Кучкина, не исключено, что уже в конце XIV в. в Нижегородском княжестве могло одновременно существовать три наместничества — собственно Нижегородское, Курмышское и Лысковское (*Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество. С. 251, 259—260. Примеч. 137). Если так, то становится ясно, что Д. А. Всеволож получил среди них наиболее старшее и почетное наместничество.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 372—373. Л. 245 об.; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 406.

⁸⁷ 1406 г. — датировка М. П. Погодина и А. А. Зимина (*Погодин М. [П.]* Свидетельства о местничестве задолго до Иоанна III, при в. к. московском Василие Дмитриевиче и Дмитрие Донском // Москвитянин. 1843. № 1. Ч. 1. С. 231. Примеч. 4; *Зимин А. А.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. С. 112). Л. В. Черепнин датировал эту грамоту «временем со второй половины сентября 1406 г. по начало июня 1407 г.» (*Черепнин Л. В.* РФА. Ч. 1. С. 86; ср.: *Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями Московского дома конца XIV — начала XV в. // ВИД. 1994. Вып. 25. С. 67—68; и др.).

⁸⁸ ДДГ. № 20. С. 57 [Подлинник].

⁸⁹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 23. Примеч. 29; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 86, 87; *Ивина Л. И.* Правящая элита Русского государства конца XIV — первой половины XV в. С. 126; *Пономарёва И. Г.* Боярское окружение московского великого князя Василия Васильевича в 1425—1432 гг. // РИ. 2011. № 1. С. 97; и др. Правда, позднее в очерке о потомках Д. А. Зернова С. Б. Веселовский стал склоняться к выводу, что в духовной великого князя все-таки был указан его сын Иван Дмитриевич Красный, а не И. Д. Всеволож (ср.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 22—23, 168—169).

⁹⁰ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 452—453.

Решая проблему атрибуции послуха в первой духовной грамоте великого князя Василия I, следует учитывать несколько важных сведений источников.

Во-первых, по возрасту, а следовательно, и по службе И. Д. Красный Зернов, как и его брат Константин Шея в указанное время были выше И. Д. Всеволожа и его однородцев. «Память» Г. И. Бутурлина, составленная не ранее середины XV в., указывает, что в начале этого века Зерновы были влиятельными боярами Василия I. Кроме того, в некоторых списках этого источника Иван и Константин отмечены как братья⁹¹. Кстати, И. Ф. Кошкин, всегда упоминавшийся в актах ниже Ивана Дмитриевича и бывший, правда, по версии темника Едигея, фаворитом великого князя, в данный период времени не занимал высокого положения⁹².

В начале XV в. в Великом Новгороде наместниками Василия I были его бояре Константин Иванович и Иван Дмитриевич⁹³. Анализ источников позволяет сделать вывод, что в первом из них, несомненно, следует видеть Добрынского (К. И. Шонуров служил в уделе князю Владимиру Андреевичу Храбром), а во втором, скорее всего, И. Д. Зернова⁹⁴.

В мае 1408 г. Иван Дмитриевич вместе с воеводой Коломны Игнатием Семеновичем Жеребцовым (внуком боярина Андрея Александровича Кобылы) возглавил военную авантюру великого князя. Василий I военной силой попытался решить конфликт правителей Рязанской земли, великих князей Федора Ольговича и Ивана Владимировича. Правитель Москвы выступил в поддержку первого из них. 1 VI 1408 г. войска союзников были разгромлены недалеко от Венева Никольского монастыря. Воинам пронской рати, которых во время боя неожиданно поддерживали ордынцы, по данным летописцев, удалось убить И. С. Жеребцова, Ивана Дмитриевича, Михаила Лялина и Ивана Брынку. В плен к победителям попал муромский воевода Семен Жирославич⁹⁵.

⁹¹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 22, 168—169.

⁹² Подробнее об этом см.: *Кузьмин А. В.* Грамоты Воронцовых-Вельяминовых в государственном архиве России начала XVII в. // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания.* М., 2002. С. 277—279; *Он же.* Из истории Можайских землевладельцев в XIV — начале XV в. // *Исследования по истории средневековой Руси.* М.; СПб., 2006. С. 230—235.

⁹³ *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 76.

⁹⁴ *Кузьмин А. В.* Московские наместники Новгорода Великого в конце XIV — начале XV в. // ПННЗ, [1998 г.]. 1999. Ч. 2. С. 161—164.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 203—204; Т. 15. Стб. 481; Т. 25. С. 237. Л. 331 об. — 332. Позднее правители Рязанской земли помирились, а 15 I 1416 г. великий князь Василий I Дмитриевич

Тожество указанного выше Ивана Дмитриевича с И. Д. Зерновым весьма вероятно, хотя, если учитывать статус обоих бояр в московской думе, Иван Дмитриевич должен был быть отмечен выше И. С. Жеребцова. Однако, возможно, что в данном конкретном случае летописец придерживался другой логики, обращая внимание на командный статус бояр. Ведь И. С. Жеребцов был воеводой коломенской рати. Участие в битве И. Д. Зернова также объяснимо. С XIV в. его род имел вотчины в Коломенской земле⁹⁶.

30 XI 1408 г. Константин Шея, младший брат Ивана Красного, был вторым среди бояр, оставленных в Москве для руководства обороной города от войск ордынского эмира Едигея⁹⁷. Она длилась с I по 20 XII 1408 г.⁹⁸

Во-вторых, в конце 1408 г., как сообщает Забелинский список Тверской летописи, некий Иван Дмитриевич впервые был назван в числе бояр, оставленных великим князем Василием I для обороны Москвы от войск ордынцев. В перечне бояр он упоминается третьим после К. И. Добрынского⁹⁹ и К. Д. Шеи Зернова¹⁰⁰. Порядок этих бояр не противоречит старшинству московских наместников, имена которых читаются на печати, найденной в Великом Новгороде¹⁰¹. Если бы И. Д. Зернов был жив и оставлен 30 XI 1408 г. в Москве, то в этом случае он должен был упоминаться раньше, чем его младший брат Константин Шея. Однако список московских бояр имеет иной порядок. Следовательно, упоминаемый в нем Иван Дмитриевич происходит из рода Всеволожей, а не Зерновых.

Сравнение перечней бояр, подписавших первую духовную грамоту великого князя Василия I и тех, кто в декабре 1408 г. защищал Москву

вич женил своего старшего сына и наследника князя Ивана на дочери пронского великого князя Ивана Владимировича (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487).

⁹⁶ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 171—172.

⁹⁷ Это уникальное известие помещено в Тверской летописи (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 483). Как полагал Я. С. Лурье, статья за 6916 г. относится, «видимо, к рассказу московского летописца, бежавшего в Тверь» (*Лурье Я. С.* Русь XV в. С. 5). Е. Л. Коняевская относит его оформление к 10-м гг. XV в. (*Коняевская Е. Л.* Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // ДРВМ. 2006. № 4 (26). С. 90—101). В связи с событиями 1408 г. К. Д. Шея Зернов также упоминается в Забелинском списке Тверской летописи (*Коняевская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV—XV вв. М., 2007. С. 240).

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 142—143. Л. 251 об. — 253; Т. 25. С. 238—239. Л. 332 об. — 334 об.

⁹⁹ Интересно отметить, что боярин К. И. Добрынский, как и И. Д. Всеволож, был связан с Троице-Сергиевым монастырем. В древнейшем пергаменном списке синодика обители (1575 г.) среди ее вкладчиков для поминания записаны имена: «Константина, Агрипиноу [Добрыниньские]» (ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 12 об.).

¹⁰⁰ *Коняевская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы. С. 240.

¹⁰¹ Ср.: *Янин В. Л., Гайдюков П. Г.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 3. С. 76.